

общественным производством. В теории политических деловых циклов М.Калецкого рассматривается органическая взаимосвязь между политическими возмущениями, социальными противоречиями и экономическим развитием, которые достаточно наглядно себя проявили во время выборов Президента Украины. Оказалось, что по характеру экономика Украины сегодня похожа скорее на экономику рентного типа, чем на экономику, свойственную классической, а тем более, неоклассической индустриальной модели развития общества. Именно в последней, в противовес рыночной экономике,

возникают и сохраняются механизмы, сформированные в период централизованного вмешательства в экономические процессы, из-за чего и не наблюдается положительное общественное развитие. Переход к современной, социально ориентированной рыночной экономике, базирующейся на новейших технологиях и информатизации, нуждается в развитии трудовой активности работника, на которого это производство направлено.

Статья поступила в редакцию 15.01.2007

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО, д.э.н, зав. кафедрой институциональной экономики
Белорусский государственный университет, г. Минск,

ТЕОРИЯ ИНСТИТУТОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИКИ ПАРАДИГМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Наука представляет собой внутреннее единое целое. Ее разделение на отдельные области обусловлено не только природой вещей, сколько ограниченностью способностей человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь, ...которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу

М. Планк

Вместо введения

Современная мир-экономика¹ с ее количественными и качественными проявлениями есть следствие научно-освоенной (опредмеченное научное знание прошлого) и интуитивно-стихийной деятельности людей, которые не только в достижении своих целей изменяли обстоятельства, но и приспосабливались к ним, допуская погрешности в знании и просчеты в действии. Однако, если принять во внимание крайне противоречивые оценки достигнутых результатов политико-хозяйственной деятельности человека², то необходимость переосмыс-

ления достижений экономической науки, особенно ее наиболее влиятельных и распространенных течений, становится не только очевидной, но и крайне актуальной проблемой. Активное обращение в последнее время к институтам требует не просто их теоретического обобщения, но и выяснения гносеологических возможностей и ограничений, места теории институтов в общей картине научного экономического знания.

Системные трансформации, которые охватили почти все социалистические страны и которые пока безуспешно растянулись на неопределенно длительный период, еще больше требуют переосмысления существующих исследовательских традиций экономической науки. Экономисты этих стран, воспитанные в традициях марксизма³, в одночасье освободив себя на формальном уровне от обязанностей перед данной теорией – политэкономией, все же остались с проблемой освоения философского,

¹ Понятие «мир-экономика» отражает целостное состояние мирохозяйственной системы, многие структурные элементы которой органически взаимосвязаны между собой (Ф. Бродель, И. Валлерстайн).

² Как известно, первые негативные оценки способа мышления и существующих форм хозяйствования прозвучали на заседании Римского клуба в 1968 г. Более поздние работы Дж. Белла, Дж. Гэлбрэйта, П. Дракера, Л. Туроу, И. Ставинского, Н. Моисеенко, Ю. Осипова, Д. Нэсбита, Е. Массуда, О. Тоффлера, В. Иноземцева, Д. Медоуза, Дж. Сороса и др. авторов зафиксировали всеобщий кризис индустриальной, или, иначе говоря, европейской цивилизации.

³ Надо все-таки отличать марксизм по своему источнику, теории и развитию от вульгарного, интерпретируемого марксизма, получившего своеобразную политико-идеологическую окраску в социалистических странах.

© П.С. Лемещенко, 2007

социального, исторического и политического контекста принятых и пропагандируемых альтернативных направлений науки⁴. Предметная и методологическая неопределенность, императивно-нормативная направленность, описательность, политическая эмоциональность и непроверяемость на истину характеризуют большинство статей по анализу современной действительности. В свою очередь учебные планы и программы по экономике механически скопированы, иногда в упрощенных вариантах, с вводных курсов провинциальных американских колледжей⁵ и доведены уже до типовых. Примечательно то, что образовавшийся еще в советское время разрыв между теорией и практикой⁶ углубился еще больше, поскольку аналитический аппарат, преподаваемый в вузах, можно сказать никак не используется ни выпускниками, ни самими преподавателями. Особенно эта участь постигла раздел микроэкономики – основу неоклассики.

Полный крах и несостоятельность обнаружили советы и программы, разрабатываемые западными экономистами неоклассического толка для государств, избравших путь политических и экономических преобразований. Как оказалось, не учли самого главного – тех неформальных системообразующих институтов, которые нельзя изменить в одночасье, но трансформация которых имеет свои закономерности и траекторию эволюции [1, 2, 3]. «Если судить о современной экономической теории по ее философскому и историческому со-

⁴ Прежде всего, обращает на себя внимание крайне малое количество научных изданий по теоретическому срезу экономических исследований. К тому же «утрачены» свойства, признаки, которые отличают фундаментально научное от знания, воспринимаемого на уровне здравого смысла. Метод «здравого смысла», отражая «нездоровость», незрелость переходной эпохи, воспроизводит усиление неопределенности и ведет к ошибкам, что с очевидностью подтверждается практикой.

⁵ Учебные пособия по экономике, используемые в европейских вузах, как правило, отличаются своей структурой. См., например, Schotter A. *Microeconomics. A Modern Approach*. London: Harper Collins, 1994. Свою «нишу» занимает «теория хозяйства» Ю.М. Осипова: В 3-х т. МГУ, 1998.

⁶ Итогом оценки такого разрыва стал известный тезис из андроповской речи в 1983 г. о том, что мы не знаем то общество, в котором живем. См.: Вопросы экономики. 1983. № 7. С.12; Шеррер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997. С. 656-660.

держанию, – пишет Р.Л. Хайлбронер, – мы будем вынуждены определить ей место в надире, а не в зените ее истории» [4, с. 53]. В результате образовался «дефект знания», который, подобно дефекту массы в физике, не дает нам целостного политико-экономического и культуролого-экологического образа взаимоотношений человека, общества, природы, техники. Причина – отсутствие или забвение парадигмальной основы теории.

Наука экономика в парадигмальной ретроспективе

Парадигма выполняет роль дисциплинарной матрицы, признаки которой позволяют каждому вступающему в определенное сообщество проводить аналитическую деятельность по выработанным и признаваемым нормам, правилам, алгоритму. Содержательным ядром парадигмы служит общая картина, представление, образ или модель исследуемой реальности⁷. Эта онтологическая составляющая обеспечивает связь предмета науки с объектом, поскольку в этой картине или универсалистской схеме интегрируются и систематизируются разнородные свойства явления на определенном этапе развития, отражая сложившееся в каком-то научном сообществе представление об объекте познания.

Формирование идеалов и норм научного исследования находится как под влиянием специфических условий и факторов развития данной дисциплины, так и воздействием общенаучных и междисциплинарных свойств. Но как показывает анализ, последовательная переоценка используемого исследовательского потенциала самими специалистами осуществляется лишь в крайних случаях – признанием гносеологического и практического тупика. Но важно подчеркнуть то, что осознание самой проблемы в освоении всех структурных элементов парадигмы, с чего и начинается любая теория, оказывает решающее воздействие на степень полноты и адекватность восприятия окружающей эмпирии мира в последующем.

Логика развития экономической науки определяется взаимодействиями внутри системы знания – между собственно теорией, эмпирией и общей картиной исследуемой реально-

⁷ Применение выводов И. Лакатоша к экономической науке обнаружило параллельное существование в рамках одной парадигмы нескольких течений. В силу этого и других обстоятельств понятие «парадигмы» стало заменяться «исследовательской программой».

сти. Смена парадигмы характеризуется ситуацией, когда новые явления выходят за привычные рамки системы знания и вступают в противоречие с идеалами, нормами, критериями научной деятельности. Жизнь показывает, что такое противоречие было в экономике советского типа, практика которой не вписывалась в общий контекст политэкономии социализма. Такое противоречие есть и сегодня, поскольку изучаемые и пропагандируемые курсы Экономикс, выполненные в неоклассических традициях (!), по сути, никак не отражает современную ситуацию.

Конфликт в том, что новая реальность и идеи должны оцениваться либо по старым критериям прежних дисциплинарных норм, либо по новым, но абстрактным и неопределенным, не отражающим общее основание (!) иной (??) формирующейся системы. Быстрая и решительная отмена прежней теории без априори выдвинутой новой приводит к теоретическому вакууму, в котором начинают господствовать астрологические прогнозы и спекулятивные идеи. Иначе эту ситуацию можно назвать антинаукой или паранаукой.

Какие же парадигмы можно выделить с позиций сегодняшнего дня в экономической науке [5]? Первая целостная политико-экономическая картина представлена классической школой. Используя традиции естественных наук и особенно ньютоновской физики, классики предложили воспринимать эту картину как мир богатства. В достижении и превращении форм богатства его распределение они искали универсальные объективные законы, на основе которых стремились объяснить и предвидеть основные тенденции экономического развития. Объяснение источника богатства с точки зрения труда заложило новую норму поведения – стоимость, которая провела грань между экономической эффективностью и справедливостью. В стоимости фиксировалась также социальная, экономическая, правовая и нравственная основа взаимодействия членов общества, значимость которых определялась трудовым участием, а не сложившейся кастово-сословной дифференциацией. Можно заметить, что в интерпретации классической политэкономии нашла свое отражение теоретическая экономика. Она не только на абстрактно-понятийном уровне целостно зафиксировала через обобщение достижений других наук политико-экономическую систему, но и определила историче-

скую тенденцию, формы ее эволюции⁸.

Свое развитие классическая школа получила в марксизме. Здесь не только сохраняется, но под влиянием гегельянства усиливается установка на сущность, закон, закономерности, смену стоимостных форм богатства и отношений, в конце концов, на теорию, в которой задача дополняется поиском внутренних причин саморазвития капитала (см. схему 1). Новизна подхода состоит в объединении исторического и логического, в чем проявился ответ марксизма на вызов исторической школы. Введенный марксизмом принцип историзма позволяет общий, универсальный характер законов модифицировать в законы специфические, определив тем самым границы действия этих общих законов и своеобразие их проявления. На наш взгляд, если использовать идею И. Лакатоша о делении парадигмы на «жесткое» ядро и «защитную» оболочку, то изменения философско-методологического основания марксизма произошли как в первом, так и во втором блоках [6, с. 26]. Речь идет, прежде всего, о границах эффективности отношений прав собственности, об издержках обмена и конкуренции рыночного хозяйства, о противоречиях между трудом и капиталом.

Серьезным испытанием для классической политэкономии явилась критика ее со стороны исторической школы. Представители этого направления стали родоначальниками антициентистской традиции в экономике, ориентирующую исследователя, прежде всего, на богатую фактами гуманитарную основу экономического знания. Для них экономика – это, прежде всего, мир хозяйства, опосредованный историко-культурными ценностями. «Самое формирование исторической школы в противовес классической, – пишет Н.Д. Кондратьев, – было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономики. Это формирование ... потребовало, по существу, в истории социальной экономики впервые отчетливого и критического осознания самой проблемы метода экономического исследования» [7, с. 271].

⁸ Обобщение и интеграция выводов частных наук А. Смитом достигалось через неформальные отношения его с экономистом Дж. Стюартом, философом Д. Юмом, медиком У. Хантером, изобретателем Дж. Уаттом, химиком Дж. Блеком, социологом Ад. Фергюсоном, архитектором Р. Адамом. Интерес представляет также «за» профессиональной деятельностью других известных экономистов.

Схема 1. Эволюция типов методологии теоретической экономики

Знаменитый «спор о методе», особенно остро проявившийся в полемике между Г. Шмоллером и К. Менгером [8, с. 33; 9, с. 315] не привел к утверждению нового методологического канона, однако дал импульс к расчленению единой науки об экономике на две части: первую, утверждающую в познании абстрактные дедуктивные начала («рикардианский порок»), и вторую, отстаивающую целостность, специфичность и многообразие хозяйственных культур («шмоллеровский порок»).

Новый парадигмальный сдвиг связан с возникновением маржинализма. Мир хозяйствующего субъекта, который сам активно вовлечен в экономическую деятельность, был положен в основу познания происходящих процессов⁹. Поиск объективных, сущностных, причинно-следственных связей был заменен поиском рациональных функциональных связей на уровне явлений, которые выступают результатом деятельности хозяйствующих субъектов. Общая картина социально-экономического ми-

ра неоклассиками была редуцирована до уровня среднестатистического экономического агента, имеющего определенный набор предпочтений и корыстные мотивы максимизации полезности в поведении.

После выхода в свет работы А. Маршалла [10] учебная дисциплина «политэкономия» заменяется «экономикой» с ее позитивистской философией и аналитическим технико-функциональным аппаратом. Это понятие стало символом названия и новой науки. Последняя у неоклассиков под влиянием позитивизма складывается из отдельных «коротких цепочек»¹⁰ частных отдельных теорий, инструментов, охватывающих короткие промежутки времени.

Примечательно то, что, определяя экономическую теорию «ящиком инструментов» [11], неоклассики способ выбора инструментов вообще не относят к компетенции науки, а в

⁹ В этом можно заметить второй уровень субъективированной рациональности (классическая политэкономия – первый), к которой обращаются экономисты.

¹⁰ Так выражает свою исследовательскую стратегию А. Маршалл: «... Функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев [10, т.3, с.212].

большей степени ориентируют на Здравый Смысл исследователя. К этому надо еще добавить, что целостное теоретическое (политико-экономическое) знание в начале 20 в. начало трансформироваться в ряд таких самостоятельных специальных наук, как политология, менеджмент, социология, экономическая история, история экономических учений. Таким образом, под влиянием научных специализаций и использования в производстве экономического знания частных методов экзотерической направленности это знание приобретает черты калейдоскопичности, фрагментарности и статичности. Из этих фрагментарных «лоскутков» невозможно воспроизвести целостный образ, целостную политико-экономическую и социальную картину.

Теория Дж. Кейнса¹¹ под влиянием противоречий, существующих в реальности и в знании, расширила горизонты анализа, но уже за счет изменения в «защитной» оболочке [12, с. 161]. Мир деятельного субъекта – так можно охарактеризовать теоретический подход Кейнса и его последователей. Включение в исследовательское поле макроэкономических проблем наметило сближение неклассической и марксистской теорий [13, с. 270-271].

Разного рода остроты и глубины проблемы реальности, логические парадоксы активизировали во второй половине прошлого века деятельность как традиционных, так и новых научных школ и направлений: нео- и посткейнсианства, институционализма и нового институционализма, неошумпетерианства и радикальной политэкономии, международной политэкономии и футурологии. Однако эта пестрота мнений снова потребовала обращения к философско-методологическому основанию экономической науки [14, с. 117]. В 80-е годы философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, в которой явно просматривается идея формирования метапарадигмы на междисциплинарной основе¹².

У. Баумоль положил начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения

экономической теории за прошлый век: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [16, с. 80, 104]. Поэтому М. Алле и отмечает: «Как физика сегодня нуждается в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой физики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей» [17, с. 27].

Теоретическая экономика: содержание предмета

Глобальная информационная сеть, возникшая вслед за торговой, транспортной, электрической и финансовой [18] усилила интеграцию мировой системы, отдельных регионов, сфер деятельности. Возросла степень зависимости поведения экономических аспектов как по эндогенному, так и по экзогенному направлениям не столь от национальных, сколько от наднациональных институтов. Факторы развития и роста переместились в область отношений¹³ и научно-информационного ресурса, где может быть объясним остаток Солоу.

В фундаментальной своей части наука об экономике должна фиксировать тот набор элементов, связей, отношений, который образуют хотя и общую относительно устойчивую систему, воспроизводящую уровень освоения человеком природной среды, технико-технологического развития, степень психо-биологической и социально-экономической самоидентификации индивида, формы и параметры его защиты. Определенной своей частью теория впитывает и одновременно воссоздает исторический ракурс экономической траектории эволюции. Дж. Хикс писал: «По мере того, как экономическая теория выходит за рамки «статики», она становится менее похожей на науку и больше – на историю» [19, с. 485]. «Экономическая теория выступает как эмпирическая наука, если она мыслится как исследование такого объекта, как богатство, – пишет историк и философ Р. Коллингвуд, – и как философская наука, если она мыслится как изучение экономической деятельности» [20, с. 1].

Таким образом, теоретическая экономика

¹¹ Обращаем внимание на название работы Дж. Кейнса: Общая теория занятости, процента и денег. М., 1998. Ей предшествовал ряд работ этого автора философского, политического и экономического толка, о которых мало что говорится. Теория Кейнса зафиксировала третий уровень рациональности – деятельную рациональность.

¹² Начинает издаваться ряд новых журналов по экономической философии, теоретической и институциональной экономике, праву и экономике, новой политической экономии.

¹³ Менеджмент в теории и на практике область отношений для увеличения производительности и улучшения качества продукции успешно использует уже несколько десятилетий. Используя знания о производственных и организационно-экономических отношениях, можно без существенных затрат значительно увеличить площадь сегмента, ограничиваемого кривой производственных возможностей.

– это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функционирования и управления, а также форм отношения поведения людей, реализующих в своей деятельности присущие им интересы¹⁴. Этим, не претендуя на всю полноту отражения изменений в современной экономике, определением делается попытка, во-первых, зафиксировать естественное и закономерное развитие предмета науки об экономике, которая также эволюционировала в количественном и качественном направлениях. Во-вторых, хозяйственный мир¹⁵ – это сложный, но все же целостный мир, который требует такого же целост-

¹⁴ Для сравнения приведем некоторые другие определения экономической науки и ее предмета. «Определить законы, которые управляют... распределением – главная задача политической экономии» (Д. Рикардо. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955, с.30); «Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем они думают в своей деятельности. Но предметом ее исследования являются главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни» (А. Маршалл. Принципы экономической науки. М., 1993. Т.1, с.69); «Предмет политической экономии составляют общие законы производства и распределения» (А. Пезенти. Очерки политической экономии. М., 1976. Т.1, с. 93); «Экономическая теория [такую дефиницию получила наука «экономика» после русского перевода] есть наука об использовании производительных ресурсов для производства различных товаров... и распределения их между членами общества в целях потребления» (П. Самуэльсон. Экономика. М., 1964. с. 25); «Наука должна дать точное определение отдельных, частных хозяйственных порядков и показать, каким образом происходит их соединение в рамках общего порядка» (В. Ойкен. Основы национальной экономики. М., 1996, с. 79-80); «Экономика как общественная наука изучает поведение индивидов и институтов, занимающихся производством, обменом и потреблением товаров и услуг (К. Р. Макконнелл, Ст.Л. Брю. Экономикс. М. 1992, Т.1, с. 21); «Политическая экономия есть общественная наука, изучающая хозяйственную деятельность народов, или, еще короче – политэкономия есть наука о народном хозяйстве» (А.И. Чупров. Курс политической экономии. М., 1914, с.16).

¹⁵ Категория «хозяйство» значительно шире категории «экономика», поскольку отражает, во-первых, сферы деятельности, прямо не попадающие в денежное измерение, а, во-вторых, конкретизирует формы, порядки, в которых проявляется экономическая реальность.

ного к себе подхода и анализа. Институциональное теоретическое основание закладывает не только начала такого синкретичного восприятия, но и определяет наполнение дедуктивных заключений теми же конкретными формами, в которых осуществляется историко-практическая деятельность¹⁶. Определяя экономическую науку (экономикс, экономическую теорию) через ограниченные ресурсы и конкурирующие цели, мы заранее ограничиваем себя в ответе на вопрос: почему разные страны, располагающие примерно равными, а может и большими ресурсами, имеют принципиально разные результаты в социально-экономическом прогрессе. В-третьих, обращение к теоретической экономике как естественному этапу научного развития через институты обнаруживает синтез сущностного эзотерического подхода с феноменалистским экзотерическим. И снова, как во времена классической политэкономии, исследовательская аксиоматика закладывается на сущностном уровне, отражающем связь человека с природой, имеющимся технологиями, мировым сообществом. В-четвертых, теоретическая экономика ставит задачу (по крайней мере, это вытекает из анализа имеющихся в науке и практике проблем) в зависимости от конкретных целей явно или имплицитно проводить многоуровневый «срез» общественно-экономической системы, относясь к последней как к действительно реальной, а не абстрактной системе. Точкой отсчета в отличие, например, от эпохи классицизма, когда воспроизводилась национальная политико-экономическая система, здесь выступает обобщенное отражение современной мировой эпохи с ее тенденциями развития. Для чисто экономического анализа это дает ориентир на поиск новых факторов, влияющих на спрос и предложение, на выяснение дополнительных источников производства продукта, дохода и пр. Вспомним учение А. Смита о производительном и непроизводительном труде, организационном факторе А. Маршалла или эффективном спросе Дж. Кейнса. Скажем так, теоретическая экономика должна сконструировать через адекватную систему категорий современную «хозяйственную конституцию», в структуре которой, так или иначе, занимают соответствующие места национальные государства с их системами хозяйствования. Некоторый парадокс заметен в том, что

¹⁶ В. Ойкен употребляет категории «порядок», «хозяйственная конституция», а Дж. Бьюкенен ориентирует в своих исследованиях на раскрытие «конституции экономической политики».

сами национальные государства, создавая определенные наднациональные рамки, сегодня уже вынуждены эти международные институты закладывать в своей политико-экономической стратегии. Более частные же теории, например, политэкономия государства, теория окружающей среды, микро-, макроэкономика, теория финансов, региональной экономики, институциональной и эволюционной экономики, восприняв от общей теории исходные аксиоматические установки, дополняют общую экономическую картину на разных уровнях хозяйствования.

В-пятых, теоретическая экономика не стоит ни в начале изучения реальной действительности, ни в конце, как это думают эмпирики, ни рядом. Она расположена в центре процесса познания, задавая его направление и формируя инструменты, которые создаются для получения научного опыта. Иначе говоря, теория без фактов может быть пустой, однако факты без теории просто бессмысленны. В разработке научной хозяйственной картины мира важная роль отводится исходным определениям. Они обобщают результаты определенного анализа, синтезируя частные стороны явления и тем самым «позволяют» работать с этими явлениями, но уже на другом, более глубоком уровне познания действительности. Это четвертый уровень рациональности.

Более подробно предмет и эволюция методологии экономической науки изображена в схеме 2. Теоретическая экономика ориентирует на воспроизводство в современном мире развития науки и в целом того подхода к человеку, природе, обществу, которые в свое время выполняла (частично) классическая политэкономия. «Экономикс» или же «экономическая теория» из всей воспроизводственной системы в своем анализе обращается лишь к фазе обмена, т.е. каталлактике [21, с. 10]. Отсюда выводятся спрос и предложение, цена, понятие равновесия и пр.¹⁷ Даже Дж. Сорос отмечал, что «деньги узурпировали роль подлинных ценностей. ...Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго» [22, с. 24, 101]. Поэтому, как пишет далее известный финансист, «когда мы применим экономические теории к реальному миру, то мы можем получить искаженную картину» [23]. Что мы имеем и в самом деле и что требует переосмысления.

¹⁷ Надо заметить, что у В. Леонтьева применяется несколько другой подход (input-output) как к равновесию, так и в целом к воспроизводственному процессу.

Некоторые выводы

Итак, классическая политэкономия ответила на вызов своего времени, определив институциональный остов общества и стратегическое направление экономического развития, дав начало поиска причин, источников и общественных форм богатства¹⁸. Маркс в своей теории прописал более логично и четко самодвижение форм богатства с выделением возникающих новых институциональных норм эпохи промышленного капитала, ограничивающих развитие последнего. Кейнс, мужественно преодолев «стандарты» неоклассического мышления, своей теорией эффективного спроса расширяет предмет науки, чем закладывает основы и дает ориентиры на изменение норм и правил реальной экономической системы. Частная теория монетаризма уже расширила производственные возможности за счет активизации спекулятивной нормы поведения хозяйствующих агентов, изменяя денежные отношения и рамки¹⁹.

Этим небольшим экскурсом хотелось бы обозначить действительно практическую значимость фундаментальной теории, результат и пользу которой иногда пытаются выразить суммой полученных денежных заказов. Здесь есть два парадокса. На первый когда-то обратил внимание Дж. Гэлбрейт: «Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им выводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием» [24, с. 313]. Второй парадокс менее заметен. Теоретическая экономика, как фундаментальная наука, выступает своеобразным общественным благом. Этим благом, благом стрем-

¹⁸ Можно с иронией воспринимать высказывание У. Петти о роли труда и земли в производстве стоимости и богатства, но, учитывая господство меркантилистского духа в обществе этого времени, следует признать важность этого положения. А. Смит также достаточно смело для своего времени пишет: «...Государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют непроеизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения...» (А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 245). Экономического обоснования роли значения нынешней власти никто еще не сделал.

¹⁹ Правда, теперь финансовый сектор предлагают отнести к транзакционному сектору, порождающему транзакционные издержки, которые надо вычитать из ВВП (А. Е. Шаститко. Неинституциональная экономическая теория. М., 1998, с. 206-207).

ления к истине, сущности в той или иной мере могут или будут пользоваться и пользуются многие, но платить за эти разработки сегодня никто не хочет. К тому же теория формирует образ и нормативные параметры экономического мышления и поведения людей. Индивидам, мыслящим в единых теоретических рамках,

легче понимать друг друга в своих стратегиях, что снижает неопределенность и трансакционные издержки в реальной практике. Снижение неопределенности и рост доверия контрагентов создает в свою очередь условия для составления более реальных по вероятности прогнозов.

Структурные характеристики метода	Методы		
	Эзотерический, сущностный	Экзотерический, Явленческий	Целостный эзо-экзотерический (сущностно-явленческий)
Парадигма	Интуитивная; предполагает эгоистические начала с основанием культурных ценностей	Априори оговоренная; рациональные предпочтения при полной информации и нулевых трансакционных издержках	Эклектическая; реализация принципов холизма на междисциплинарной основе
Социально-политическая детерминированность	Присутствует в качестве объективных предпосылок, связей и отношений	Не присутствует по причине признания экзогенности этой среды к экономике	Институциональная детерминированность, создающая рамки экономического развития
Технологическая детерминированность	В рамках производительных сил	Отсутствует; земля, труд, капитал – главные факторы производства	Экономика – открытая система, имеющая ограниченный потенциал
Организационная детерминированность	Простая кооперация, мануфактура, фабрика	Абстрактная фирма, "черный ящик"	Осознанно сформированная организация (фирма, государство, мир-экономика)
Предмет исследования	Внутренние, устойчивые связи и отношения	Внешние и спорадические связи и взаимодействия	Органически целостное, сложное структурное образование
Характер связей, отношения	Причинно-следственные, субстанциональные	Функциональные, отражающих потоки движения доходов, расходов	Многоуровневая система связей, отражающих разные аспекты мир-экономики
Цель метода	Эвристическая; раскрыть политико-экономическую природу общества (почему работает система?)	Позитивистская; ответить на вопрос как работает система, чтобы достичь экономического эффекта	Теоретическая, аксиологическая (как обеспечить устойчивое развитие?)
Характер метода	Диалектический (по преимуществу)	Позитивистский	Синтетический (единство диалектического и позитивистского методов)
Пространственно-временные рамки	Национально-государственные; долгосрочный период	Не определяются в исходном; краткосрочный, текущий	Мировые, международные; сочетание времени
Уровень рациональности	Преобладание общегосударственных интересов	Утилитарно-частная рациональность	Наднациональные, региональные интересы
Отражение целостности, равновесности	Стремление к общей политико-экономической картине, равновесию	Фрагментарная, функциональная, дискретная направленность; экономическое равновесие	Мир-экономика; глобальная система; институциональное равновесие
Пользователь исследования	Правящая элита государства	Менеджеры, политики в определенных рамках и сферах	Правящая мировая элита, менеджеры, политики разного уровня
Единица измерения	Стоимость	Ценность	Институциональная ценность

Схема 2. Главные характеристики методов экономического исследования

Теоретическая экономика по своему предмету должна учитывать политическую сферу: ее идеологию, организационную структуру, режим власти, способ принятия и реализации политических решений, кадровые назначения и многое другое. Традиционный экономикс к политической сфере до сих пор относился как к экзогенному фактору. Отсюда ориентация на позитивный экономический анализ. До сих пор сфера принятия и реализации политических решений является самой неисследованной и самой дискуссионной областью [25, с. 625]. Для этого есть соответствующие предпосылки. Но любая власть любой страны всегда будет информационно, финансово, организационно ограничивать политико-экономические разработки. Будут финансироваться и признаваться лишь те выводы, которые не ориентируются на кардинальные институциональные изменения институциональной основы общества. Допустить экономическую науку в политический процесс означает приоткрыть занавес таинственности, который является частной собственностью бюрократии, а, следовательно, приносящей политическую ренту.

Существует широко распространенный метод манипулирования «научными» знаниями с определенной целью на разных стадиях политического цикла. Такое явление распространено широко во всех странах. Иначе это можно назвать институциональной конкуренцией. Но при привлечении же научных работников на определенные общественные должности приводит не только к мутации их мышления, но и поведения. Сказывается эффект зависимости от философско-психологических установок бюрократической олигархии. Отделить же интерес последних от государственного интереса и интересов существующих социальных групп и классов, сформировав, например, эффективную политику распределения доходов, без обращения к целостному теоретическому анализу вообще невозможно²⁰ [26, с. 8; 27, с. 47-51].

Литература.

1. Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. – М., 2002.

²⁰ Для гуманитарных наук, а экономическая отрасль знания также относится к этой сфере, очень важен мировоззренческий аспект исследования, его экономические и другие интересы как социума. Нобелевские премии экономистам за 2001 и 2002 год свидетельствуют о более интенсивном повороте экономистов в межпредметную область исследования.

2. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М., 2001.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
4. Хайлбронер Р. Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1.
5. Лемещенко П. С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. – Мн., 2001.
6. Олейник А. Институциональная экономика. – М., 2000.
7. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. – М., 1991.
8. Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. – СПб., 1894.
9. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. – М., 1995.
10. Маршалл А. Принципы экономической науки: В 3-х т. – М., 1993. Первое русское издание: Маршалл А. Принципы политической экономии: В 3-х т. – М., 1983.
11. Робинсон Дж. Теория несовершенной конкуренции. – М., 1986.
12. Blaug M. Kuhn versus Lacatos or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics. In: Method and Appraisal in Economics. – Cambridge, 1976.
13. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М., 1994.
14. The Structure of Economic Science. Essays on Methodology. Prentice-Hall, 1966.
15. Ананьин О. Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества // Вопросы экономики. – 1992. – № 10.
16. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. – 2001. – № 2.
17. Алле М. Единственный критерий истины – согласие с данными опыта // МЭ и МО. – 1989. – № 11.
18. Лемещенко П.С. Новая экономика и теория: закономерности эволюции.– Сб-к. Мн., 2002.
19. Journal of Post Keynesian Economics. 1984. Vol. 6.
20. Цит. по: Unknowledge and Choice in Economics. Ed. by S.F. Frowen. Basingtoke. 1990.
21. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000.
22. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. – М., 1999.
23. Сорос Дж. Сорос о Соросе. – М., 1996.
24. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. – М., 1969.

25. Политические науки: новое направление / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингельмана. – М., 1999.

26. Вопросы экономики. – 1999. – № 7.

27. Лемещенко П.С. Институционально-эволюционная теория современной экономиче-

ской реформы // Вестник ассоциации белорусских банков. – 2001. – № 41.

Статья поступила в редакцию 04.01.2007

О.В. НОСОВА, д.э.н., профессор,

Харьковский Национальный университет внутренних дел

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-РЫНОЧНОЙ СИСТЕМЫ

Формирование рыночной экономики в странах Восточной Европы основывается на создании и функционировании эффективной системы институтов. Переход к новой институциональной системе предполагает не только модификацию уже существующих институтов, перераспределение функций между ними, но также и создание их новых видов. Прежняя система институтов ограничивала возможности эффективной работы предприятий и часто приводила к принятию заведомо бессмысленных инвестиционных решений.

Американские ученые Е. Норберг и В. Даффи выдвинули теорию принятия решений, согласно которой экономическая система определяется как общественно признанный механизм, благодаря работе которого принимаются решения в процессе производства, потребления и распределения ресурсов [1]. В экономической системе выделяются три подсистемы: принятия решений, информационная и мотивационная. Система принятия решений представляет совокупность институционально-правовых правил распределения полномочий в области принятия решений. Важная роль отводится форме собственности, которая определяет характер взаимоотношений между субъектами. Информационная система включает совокупность механизмов и каналов сбора информации. Основная ее функция состоит в обеспечении согласования и координации экономических решений. Мотивационная система представляет набор правил, механизмов, выступающих формой реализации хозяйственных решений. отождествление понятия экономическая система с механизмом протекания хозяйственных процессов не позволяет наиболее полно отразить содержание понятия системы, закономерности системного целого и взаимодействие его частей в рамках вышеизложенного подхода. В экономической литературе проблема формирования институтов нашла отражение в целом ряде научных публикаций. Предметом исследования ин-

ституционального анализа является не только поведение экономических агентов в заранее заданных условиях, но и рассмотрение роли, влияния и направлений совершенствования таких условий [2]. Институты подразделяют на неформальные правила, локальные правила, формальные правила, которые выступают в качестве передаточного звена между неопределенностью и упорядоченными во времени сменами фаз деловой активности [3, с. 118]. Изучение институтов проводят на основе всеобщего исследования как трансформационных, так и трансакционных издержек [4, с. 276-300]. Анализ указанных работ по институциональной экономике свидетельствует об актуальности и прикладной направленности ряда исследований, исследующих и пытающихся объяснить целый ряд нетипичных проблем: распространение неформальных институтов, возникновение институциональных аномалий.

Целью данной статьи является исследование формирования и развития институтов в условиях перехода к рыночной экономике и определение основных направлений создания эффективной институциональной системы. Для решения задачи изучения формирующейся институциональной системы в Украине будем рассматривать рыночную систему в виде взаимодействия составляющих ее подсистем и происходящих внутри неё процессов. Для решения поставленной задачи будем исследовать функционирующую систему в Украине. Определим основные направления, возможные каналы, методы воздействия на систему с целью ее трансформации в рыночную. Преобразование постсоциалистических институтов в рыночные институты относится к важной задаче стран с переходной экономикой. Трансформируемая система содержит рудименты старой системы, признаки формирующейся деформированной системы, а также элементы рыночной системы.

© О.В. Носова, 2007